

ЮЛИЯ ЛЯПИНА

A woman with blonde hair, wearing a long, flowing pink dress, gently holds the head of a white horse. The horse is facing forward, and the woman is looking towards the camera with a soft expression. The background is dark, and numerous small, light-colored confetti or glitter particles are falling around them. The entire scene is framed by a thick, golden border. Large, detailed roses in shades of gold and brown are positioned at the corners and along the sides of the frame, adding a romantic and elegant feel to the composition.

СИЯНИЕ СЛЕЗ

Юлия Ляпина

Сияние слез

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48457479*

Аннотация

Бытовой любовный роман в средневековом антураже. Мечи, рыцари, замки и блию.

Юная сирота Констанция случайно узнает, что может плакать жемчугом. Полезное качество, скажете вы.

Но отныне девушка становится затворницей, ведь жемчужные слезы – один из признаков истинной графини Этуш, будущей супруги молодого графа Танреда.

Юлия Ляпина

Сияние слез

Дневник Констанции

Своих родителей я не помнила. Говорили, что они были верными вассалами графа Этуша и погибли от рук разбойников, когда ехали ко двору. Не знаю. Я росла в деревне у кормилицы. Когда мне исполнилось четыре года, платить кормилице перестали, тогда она отвезла меня в сиротский приют, расположенный в замке графа.

У его светлости было много воспитанников и мальчиков, и девочек, и все они работали в замке. Но я была такой крохотной, что мажордом лишь скептически посмотрел на малышку, едва переросшую его колено и, передал меня воспитательнице младших детей. Очень молодой и очень усталой госпоже Мейн.

Жили мы все в дальнем крыле замка, рядом со слугами. Три большие комнаты, сплошь застеленные соломенными тюфяками. В одном жили парни – будущие оруженосцы, конюхи и стражники. Во второй девочки – возможно швеи, экономки, кухарки и просто жены, которыми граф мог награждать своих слуг.

В третьей комнате ютились воспитательницы и самые младшие. Их набирали из сирот и тех, кого их нерадивые матери подбрасывали в «графскую корзину» – плетенку из свежих прутьев, стоящую у храма, у больницы и у ворот замка. Через девять месяцев после приезда в замок короля или герцога корзинка наполнялась случалось тремя-четырьмя детьми за ночь.

Питались мы с графского стола, но тем что оставалось после приближенных и слуг. Обычно это были голые кости и холодная каша, которую выбрасывали свиньям, если не доносили до наших комнат. Одевались мы зимой и летом в одинаковые серые платья и рубахи из некрашеного полотна. Летом это была вполне удобная одежда, а вот зимой мы мерзли и собирали всевозможные тряпки, чтобы утеплиться. Больше всего везло швеям – им позволяли собирать нитки и лоскуты, чтобы пошить себе пестрые жилетки и даже стеганые юбки.

В то время меня считали мелкой и слабосильной, поэтому оставляли в комнате малышей, присматривать за младенцами, когда все остальные шли работать в обширный замковый сад или огород, драить двор или коридоры. Я мало интересовалась окружающей жизнью. Пеленки, рожки с молоком и жидкой кашей, чуть теплая вода в деревянном корыте для купания...

В редкие минуты отдыха меня влекло в обширный графский сад. Там можно было побегать по извилистым гаревым

дорожкам, спрятаться в густых кустах или залезть на развесистое дерево и нарвать неспелых груш. Конечно, садовники меня гоняли, но я была миниатюрной и легко пряталась от них где угодно.

Граф Этуш жил бобылем. В замке рассказывали, что его жена была юна и прекрасна. Граф женился на ней, когда ей было всего шестнадцать, не сдержав восхищения ее красотой. Графиня понесла в первую брачную ночь и через девять месяцев родила супругу сына. Увы, юность и хрупкость сыграли с красавицей дурную шутку. Через месяц она подхватила лихорадку и умерла, сгорев за пару дней.

В горе граф выстроил для тела своей жены дивной красоты склеп. Но не мог видеть ребенка, ставшего причиной ее гибели. Борясь с собой, он отдал сына кормилицам. Потом отправил пожить к родственникам жены, затем в престижную военную школу. Поговаривали, что наследник никогда не бывал в родном доме и, даже его портрета нет в замковой галерее. Мне всегда было жаль неизвестного мне владельца замка, ведь я знала, что значит потерять любимых.

Однажды, когда мне исполнилось десять лет, я столкнулась с графом в саду. Он очень удивился, увидев чумазое создание на ветке узловатой яблони. Уговорил спуститься, узнал, как меня зовут и, что я делаю в его замке, а потом нас постигли большие перемены.

Воспитанницы старшего возраста были переведены в большую удобную комнату в главной башне. Все получили

в подарок по новому яркому платью, книгу и мешочек с набором для рукоделия. Младшим детям были взяты няньки. Прежних воспитателей выгнали. Мальчишек поселили в казарме, выдали учебное оружие и книги по строительству крепостей, тактике и охоте. Кормить нас тоже стали лучше, а еще наняли учителей, которые теперь целыми днями учили нас танцам, этикету, истории, географии и многому другому. Особое внимание для девочек уделялось геральдике, ведению хозяйства и иностранным языкам.

Оказалось, что приют, как и «графские корзины» были задуманы графиней, но в своей тоске правитель края забросил ее любимое дело. Теперь, раскаявшись, он с новыми силами взялся не только за приют, но и за графство, и за сам замок.

Благодаря стряхнувшему хандру владельцу земель, графство начало расцветать.

Сам лорд Этуш много времени проводил в разъездах, а в замке работал с письмами и бумагами порой до глубокой ночи. Но все же раз в неделю, он непременно приезжал в замок, посещал склеп жены, а потом устраивал для своих подданных свободный вечер.

Если в замке случался менестрель, он играл и пел, стараясь заработать драгоценную безделушку или пригоршню монет, если же никого не было, выходили девушки из приюта. Пели, танцевали, иногда ставили короткие сценки или живые картины, плавно перетекающие одна в другую.

В такие вечера граф казался счастливым. В его тронутых сединой волосах поблескивал графский обруч, украшенный девятью зубцами. На каждом зубце красовалась некрупная, сияющая жемчужина. Лазоревая мантия прикрывала его худую фигуру, согревая ноющие от усталости ноги. Мы очень любили графа, восторженной детской любовью, а он отечески улыбался, глядя на наши выступления, и не забывал награждать наши старания пряниками.

Благодаря таким переменам в жизни, через год я вытянулась как былинка. Воспитательница только вздыхала в очередной раз выпуская подол. Правда, в отличие от некоторых девочек, уже округлившихся в положенных местах, я оставалась тощей и плоской, зато волосы, словно желая подчеркнуть мою хлипкую шею, отросли к пятнадцати годам до самых пят и оттягивали голову назад, словно к затылку была привязана гиря.

Наставники убеждали меня, что моя внешность не принесет мне выгодного брака, а потому стоит приналечь на знания и умения, чтобы стать со временем хорошей швей, вышивальщицей или экономкой. Посиделки в рукодельной комнате меня не привлекали. Иглы ломались, нитки путались, бусины норовили закатиться под шкаф, поэтому я предпочитала книги. Читала все подряд – историю, географию, экономику...

Заметив у меня на коленях книгу за обедом, граф заинтересовался и с удивлением обнаружил том научного трактата

из своей собственной библиотеки.

Заинтересовавшись, он начал посещать занятия и лично экзаменовать воспитанниц. Придя к каким-то выводам, владелец замка разделил нас на группы. Пять самых искусных вышивальщиц переехали в швейную комнату. Две отправились на помощь садовнику. Три на кухню и одна, самая аккуратная поступила в помощницы к экономке.

Я вместе с двумя самыми сообразительными девушками осталась в ученическом классе. Мы поочередно посещали швейную, огород и кухню, проверяли записи вместе с экономкой и продолжали читать, писать и считать.

Потом нас стали приглашать на отчет экономки и дворецкого, выдачу слугам провианта и формы. Тетушка его светлости, которая вела хозяйство в его отсутствие начала водить меня по кладовым, учить разбираться в качестве еды и воска, выбирать полотно и крученый шелк.

К шестнадцати годам моя голова была набита знаниями, как огурец семенами. И тут случилось это. Стражник, несший целую стопку щитов, споткнулся и уронил один из них мне на ногу. Я заплакала. От боли, от обиды, а еще от того, что с утра немилосердно тянуло живот и это означало, что следующие два дня мне лучше не выходить из спальни. Слезы покатались крупные и частые, но ко всеобщему изумлению и ужасу, вместо обычных соленых капель из моих глаз на пол посыпались жемчужины!

Через час об этом узнал весь замок. Слуги судачили, кача-

ли головами и приговаривали, что меня украдут. Остальные воспитанницы лезли с любопытными вопросами и даже щипались, чтобы поймать жемчужинку для брошки. Моя жизнь превратилась в ад. Я спряталась в учебной комнате, но даже золотарь нашел повод, чтобы заглянуть ко мне и увидеть «девицу, рыдающую жемчугом».

Остановил все граф. Он вернулся в замок только через неделю и в тот же день меня перевели в другие покои. Точнее меня спрятали в гардеробной графа, приставив самых суровых и неболтливых стражников. Почти месяц я сидела взаперти, пока граф Этуш готовил отступление.

Потом меня торжественно вывели из замка и ясным белым днем усадили в карету графа. Слугам было объявлено, что благородная девица Констанция уезжает в дальний монастырь, чтобы молиться о своих грехах.

Слуги, конечно, не слишком поверили, но некоторым из них было позволено проводить карету. Они и позднее рассказали в замке, что карета свернула к монастырю, а девица была бледна и печальна.

Еще бы мне не быть бледной и печальной после месяца взаперти! И укачивало в этой карете немилосердно!

Как будущая послушница я вышла во двор в длинном сером платье, подпоясанном веревкой, и граф сам накинул мне на волосы длинную сетчатую вуаль, положенную дамам при посещениях святой обители.

Замок графа Этуша

Итак, Констанция уехала в самую дальнюю и суровую обитель, а через два месяца в замке появилась Тина. Ее считали любовницей Его Светлости, и ужасались, как он смел, поселить девицу в покоях своей жены. Тину все побаивались. Правда никто никогда не видел ее лица, потому что девушка носила маску, а ее фигуру всегда скрывал плащ похожий на итальянское домино.

Зато проницательна сия девица была невероятно – все самые секретные ухоронки слуг находила. Тайно поставленную в одном из колодцев брагу вылила, припрятанные поваренком на продажу пряности и те отыскала! Стоило слугам слышать легкие шаги в коридоре, как они тут же хватались за работу и выполняли ее с неслыханным усердием.

Годы шли. Соседи уговаривали графа жениться, но он грустно улыбался в ответ и говорил:

– Зачем? У меня есть Тина, – и ласково целовал руку своей игрушки.

Некоторые соседи отвечали:

– Ну так женитесь на ней граф, сделайте девушку счастливой! У вас уже есть наследник, и не стоит опасаться рождения новых детей. Нехорошо, когда владыка земель живет во грехе!

Но хозяин замка вновь качал головой и усылал Тину в ее

комнаты, чтобы она не слышала тех крепких слов, которыми граф унимал разошедшихся доброхотов.

Спустя почти пять лет, однажды вечером Тина исчезла из поместья. Граф не искал ее, просто сказал всем, что ее время пришло. Грустная экономка налила всем ежевичного ликера, кто ж будет теперь строить прислугу наравне с ней? Седой мажордом утер слезу – баклага с брагой почему-то потеряла свою прелесть, ведь теперь не надо будет прятать ее по всему замку, соревнуясь в ловкости и хитрости с Тиной. И на этом все.

Повыходившие замуж за вассалов графа Этуша воспитанницы только злорадно усмехнулись, услышав о пропаже, ведь многие из них втайне мечтали окрутить если не самого графа, то его сына, а странная фигура в плаще и маске упорно не подпускала их к мужчинам.

После появления Тины, главной радостью графа стал приезд сына. Неизвестно как, но отец сумел смягчить свое сердце и пригласил наследника отметить в замке восемнадцатилетие. Был шумный бал, съезд гостей и...серьезный разговор между отцом и сыном.

Они высказали друг другу обиды и примирились. Внешне казалось, что все улеглось, но Тину сын отцу не простил. Может потому, что ему так и не удалось увидеть лица и тела девушки? А может кто-то из слуг нашептал, что любовница отца живет в комнатах покойной графини, в которой сам лорд провел лишь первый месяц?

Так или иначе, но юный наследник стал наезжать в замок время от времени и каждый раз норовил обидеть Тину, встречая ее в коридоре или за столом. В итоге девушка начала прятаться от него, или отвечать с преувеличенной язвительностью на любые вопросы.

Через год после пропажи Тины старого графа хватил удар. На смертном ложе он дождался сына и поставил ему условие: найти Тину и жениться на ней. Договорить граф не успел. Но в его завещании было написано то же самое – чтобы получить наследство помимо замка и титула молодой граф должен отыскать Тину и жениться на ней. На все ему давался год.

Кроме того, его светлость оставил для девушки письмо, запечатанное магическим словом. Открыть его смог бы лишь тот, кому оно предназначено.

Наследник был не рад такому условию. Он конечно сам строил свою жизнь с помощью родни матери, но последние года три-четыре привык к мысли, что рано или поздно унаследует титул, замок и все что в нем. Даже Тину.

А теперь получалось, что без этой незнакомой ему дамы он не получит ничего! Все отойдет к ней! Не поверив своим ушам, лорд перечитал завещание. Все было верно:

– Если в течении года лорд Танред Этуш не найдет леди Тину и не жениться на ней, он получит лишь титул и голые замковые стены. Все, до последней нитки будет принадлежать леди Тине.

Ошеломленный лорд начал расспрашивать замковых слуг – ведь он сам видел любовницу отца, и звали ее именно Тина, должны же его люди знать, куда она подевалась? Оказалось, что никто никогда не видел Тину без маски! Слуги не знали, откуда она взялась и куда пропала. Разбор бумаг графа ничего не объяснял.

Правда при опросе всплыла старая история с воспитанницей, заплакавшей жемчугами, а в сокровищнице обнаружилась целая шкатулка жемчуга восхитительной каплевидной формы, но сказать, что случилось с девочкой и откуда этот жемчуг, тоже никто не мог.

Помучившись больше месяца, юный граф отправился на поклон к своей двоюродной тетке. Поговаривали, что старая перечница была ведьмой, поскольку видела своими глазами еще дедушку нынешнего графа и называла его «мальчиком».

Дама была колоритная и ехидная. Встретившись с нею пару раз, после возвращения под отцовское крыло, молодой граф не жаждал повторной встречи, но деваться было некогда.

Взяв коня, граф Этуш медленно поехал к дому тетушки.

Его там уже ждали. Чопорная служанка в черном платье с траурной повязкой встретила гостя на крыльце, и проводила в гостиную. Тетка сидела в просторном кресле, у открытого окна и неторопливо обмахивалась веером:

– Явился? – насмешливо поинтересовалась она, – Садись племянничек!

Танред сел в кресло, опасливо поглядывая на тетку: чего еще выкинет?

Но тетка, испытывая его терпение велела подать чаю, потом завела долгую светскую беседу о погоде и видах на урожай. После третьей чашки гость не выдержал:

– Тетя, все это хорошо, но мне нужно знать, кто такая Тина и почему отец все оставил ей. А самое главное, где ее искать!

Пожилая дама отодвинула чашку, промокнула губы салфеткой и насмешливо покачала головой:

– И чему тебя учили в твоём пансионе, мой мальчик? Неужели грубить пожилым дамам?

Танред едва не взвыл волком. Он потемнел лицом и уже собирался выбежать вон, предварительно опрокинув стол, но дама неожиданно стала серьезной и печальной:

– Если ты не знаешь, почему в замке появилась Тина, значит, твой отец запутался в своих тайнах и это нехорошо.

– Тетя... – граф поморщился, не желая обсуждать поведение отца.

– Ладно, – женщина неожиданно смягчилась, – знаю, что Патрик всегда был слишком чувствительным, и смерть Инолы его подкосила. Может поэтому он все откладывал передачу тебе семейных секретов, а в итоге не успел. – Тетушка вздохнула и продолжила: – Если бы ты рос в замке, ты бы знал, как в нашем роду выбираю жену. Уж не знаю, дар это или проклятие, но будущая графиня Этуш в пятнадцать

лет начинает плакать жемчугом. Причем заставить плакать девочку нельзя. Если она будет притворяться, слезы будут обычными. А вот случайные слезы всегда становятся камнем. Потому наш род так богат, каждое поколение получает ларец самого крупного и чистого жемчуга вместе с супругой.

Граф, воспитанный в городе не верил своим ушам: – что это? Тетушка тронулась умом?

– Вижу, не веришь, мальчик, а зря! – леди позвонила в колокольчик, вызывая служанку: – Тильда, принеси шкатулку с моего ночного столика.

Через минуту служанка вернулась с простой серебряной шкатулкой:

– Смотри, – сказала тетушка, открывая ларец, это слезы твоей матери. Однажды она была у меня в гостях и увидела мертвую канарейку.

В шкатулке лежали безупречные каплевидные жемчужины.

– Сравни их с теми, что нашел в сокровищнице, – усмехнулась тетя, и добавила: – думаю, твой отец совсем не имел любовниц, он слишком любил твою мать. Зато он нашел для тебя невесту.

Танред не верил своим ушам.

– Невесту?

– Конечно. А ты не знал, что наследники рода Этуш появляются только в браке? Можешь не искать, бастардов в округе нет. Этот дар получила от своей прабабки первая графина

Этуш. Очаровательная была женщина, и очень умная. – Тетя погрузилась в воспоминания, как это свойственно пожилым людям, но быстро вынырнула обратно: – Ищи свою Тину, Танред, она твоя суженая. И зная Патрика, держу пари, девочка где-то рядом.

Простившись с тетушкой ошеломленный граф вернулся в замок и озадачил всех слуг и воинов поисками неведомой Тины.

Тина

Происшествие со стражником превратило меня в странное чудовище. От меня шарахались суеверные слуги, трясли наглые пажи, а придворные дамы норовили ущипнуть, чтобы подхватить упавшую слезинку. Все прекратилось, когда приехал граф. Он немедленно вызвал меня в свои покои и получив подтверждение слухам принял решение:

– Тебе нужно учиться, Констанция. Я мог бы оплатить тебе столичный пансион, но увы, эта особенность нашего рода делает твое пребывание в столице невозможным. Слишком много недобрых и продажных людей захотят приобрести себе богатство за твой счет. Мне нужно подумать, как спрятать тебя, девочка и в то же время дать возможность жить.

Идею подсказала двоюродная тетушка его светлости. Она редко выбиралась из своего дома, но всегда была в курсе но-

востей всего огромного графства, а порой и королевства.

– Патрик, – фыркнула она, явившись в гости к его светлости уже на следующий день – вспомни, как прятали Инолу, прежде чем ты сумел ее отыскать.

Краска бросилась в лицо его светлости, но прежде чем он успел открыть рот, тетушка его перебила:

– Маска, домино, длинное платье и перчатки, девочку родная мать не узнает! Посели ее рядом и учи, через пяток лет Танред будет тебе благодарен.

Я тогда мало что понимала, поэтому соглашалась на все. Его светлость поселил меня в комнатах своей супруги, и запретил покидать их без маски, плаща и перчаток. Ела я в своих покоях, но обязательно присутствовала за общим столом. Знакомство со всеми ключевыми персонами графства входило в мое обучение. Гуляла я теперь только с его светлостью или парой служанок богатырского роста. Меня учили ездить верхом и плавать, метать кинжалы и делать перевязки раненым, но все тихо, тайно.

Проходя длинными коридорами мимо комнаты воспитанниц, я мучительно остро сознавала, как много я потеряла. Не было былой беззаботности, нельзя было распустить волосы и пойти в самую короткую ночь в году к заросшему пруду – гадать на жениха. Учеба, учеба и еще раз учеба. А еще волны презрения от бывших подруг, от слуг и придворных. В лицо они говорили мне любезности, но стоило повернуться спиной, как я слышала массу предположений о своей уродливо-

сти, безумности и ловкости. Говорили, что я верчу графом, что тяну из него деньги. Уверяли, что его светлость на старости лет выписал себе рабыню из жаркой страны, в которой женщин с пеленок учат покорности и мастерству в постели.

Хуже всего стало, когда приехал молодой наследник. Высокий темноволосый мужчина с короткой военной стрижкой однажды в полдень легко спрыгнул с коня во дворе замка. Лорд Патрик поспешил к нему навстречу:

– Сын! Рад тебя видеть!

Словно не веря в такое радостное приветствие, лорд Танред глянул исподлобья, но позволил себя обнять.

– Добрый день, отец. Лорд Горус отправил меня в отпуск, советуя навестить родные края.

Графу, наверное, было неприятно, что сына заманил домой только приказ прямого командира, но он ничем не выдал своего огорчения:

– Лорд прав, графство нуждается в твоей помощи. На западе появились речные разбойники...

Беседуя, мужчины вошли в замок и, я перестала их слышать.

Лорд Танред провел в замке несколько дней, отдыхая и разрабатывая план захвата разбойников. Все эти дни я хотела просидеть в покоях, но граф настойчиво выводил меня к столу, приглашал позавтракать с ним и его сыном, и даже просил наследника погулять со мной в саду, если бывал занят.

Конечно, будущему графу не нравилась такая настойчивость отца. А может он просто опасался поползновений с моей стороны, ведь и он и весь остальной мир считали меня любовницей лорда Патрика. К счастью мы оба умели молчать, поэтому часы, проведенные в посиделках у пруда или прогулках в коляске, не доставали нам обоим особых хлопот. Лорд Танред просто спал, а я либо читала прихваченный с собой томик стихов, либо делала наброски окрестностей.

На следующий год визит наследника повторился и был уже более продолжительным. Лорд Патрик возил сына по всем поместьям вассальных рыцарей, демонстрировал мануфактуры и рудники. Придворных дам удивляло только то, что граф не спешил устраивать «бал невест» не приглашал в гости соседей с молоденькими дочками, и вообще вел себя так, словно у лорда Танреда уже была невеста. Впрочем, такое вполне могло быть. Знатнейших людей королевства частенько обручали еще в колыбели.

Наследник отсыпался, отъедался и снова уезжал в полк. Поговаривали, что лорд Горус весьма успешный командир и потому частенько попадает в самые серьезные заварушки.

Я все училась и училась. Наконец учителя объявили графу, что мое обучение завершено, и такую образованную и толковую даму он не найдет во всем королевстве. Лорд Патрик усмехнулся и предложил мне экзамен:

– Тина, поместье твоих родителей пришло в упадок. Я оформил все бумаги на твое имя, выделил тебе сопровожде-

ние и казну. Поедешь туда как Констанция, поживешь годик, приведешь все в порядок, а потом я приеду к тебе в гости.

– Вы очень добры, ваша светлость, – я была в растерянности, – почему вы делаете это?

Я действительно не понимала. Большая часть девочек, которые воспитывались в замке вместе со мной уже давно вышли замуж. Парочка самых бедных и некрасивых выучились плести кружева и шить золотом, чтобы не есть даром графский хлеб. Еще одна, самая тихая, Сияна, ушла в монастырь Матери Света. Через полгода мне стукнет двадцать лет, солидный возраст.

Граф подошел к окну моей гостиной, которое выходило в сад:

– Считай это моим старческим капризом.

Это тоже было ложью. Графу едва исполнилось сорок пять лет, и его виски только начала серебрить седина. Половина придворных дам, вдовы и дочери вассалов усилено строили ему глазки, надеясь заловить красивого и богатого мужчину в свои сети. Лорд Патрик не поддавался. Поговаривали, что со дня смерти жены он вообще перестал обращать внимание на женский пол. Слуги шептались о каком-то благословении первой графини, или о проклятии рода, но мне казалось, что граф просто не видел женщину, способную заменить его супругу, а размениваться на меньшее не хотел.

И вот теперь он отправлял меня в родное поместье. Давал возможность жить, как хочу, при том, что треть графской

казны составляли доходы от продажи жемчуга. Я не понимала! Но радовалась.

На следующий день за обедом, граф объявил, что леди Тина приболела и отправляется в путешествие на воды. Слугам было велено проводить леди до большого постоянного двора в дне пути от замка. Другим слугам было велено забрать леди Констанцию, дочь барона Вилара из монастыря. Конечно вместо меня «на воды» поехала одна из вдовиц, обратившихся к графу за помощью. Лорд Патрик щедро заплатил ей за спектакль, а мое возвращение из обители никто с отъездом «леди Тины» не связал.

Я изображала бурную радость, хотя и в самом деле была рада увидеть замок без маски и вуали. Повидала старых подруг, познакомилась с новыми воспитанницами, потом получила аудиенцию графа и официальный приказ ехать в поместье родителей:

– Поживете там годик леди Констанция, а там и жених для вас найдется, – отечески напутствовал меня граф.

Дамы удивленно шушукались, расспрашивали, чем я заслужила такую милость, но граф отговорился тем, что поместье сильно оскудело и его надо привести в порядок, прежде чем наградить им какого-нибудь рыцаря.

– В помощь леди я отправляю даму Шиану и господина Дастана, – добавил граф.

Тут уж кумушки понятно закивали головами госпожа Шиана и господин Дастан были уже немолодой супружеской

парой. Они оба много лет служили графу, а теперь готовы были отправиться на покой. Все решили, что граф собирается женить одного из сыновей этих достойных людей, вот и отправляет их приготовить поместье молодым. За сим слухи затихли и через три дня мы уехали.

Мне тяжело было прощаться с замком, с графом, с той жизнью, которую я тут вела. Однако и перспективы радовали. Мне давался шанс попробовать свои силы, увидеть дом, где я родилась, получить в свои руки минимальную власть над своей судьбой.

Я до последнего смотрела на замковые башни, ощущая тяжесть прощания в груди. Потом отвернулась, утирая слезы и, поймала сочувственную улыбку госпожи Шианы:

– Не переживайте, деточка, граф Этуш мудрый и знающий господин, он не станет требовать от вас чудес.

Я только грустно улыбнулась в ответ. Граф всюду блюл мои интересы и даже близкой прислуге не сказал, кто я такая и зачем еду в дальнее поместье. Экзамен, так экзамен!

Дом моих предков встретил меня запустением. Перекосившиеся ставни, разбухшие от весенних дождей двери, запахи сырости и мышей в доме. Госпожа Шиана и господин Дастан ходили вместе со мной по дому и удурченно поджигали губы – работы было много. И в первую очередь следовало организовать ночлег.

Самыми сохранными оказались покои хозяев дома. Две смежные спальни, с гардеробными и туалетными комнатами.

К «женской» спальне примыкал будуар, а к «мужской» кабинет. Осмотрев их, я решила, что кабинет мне нужнее, чем розовые бабочки на обоях и заняла комнату отца.

Приехавшие с нами слуги шустро вынесли на солнышко матрасы и одеяла. Госпожа Шиана отправилась инспектировать кухню, а господин Дастан – конюшни и амбары. Мы приехали в поместье в начале осени, время сытное и хлебное, но впереди была зима, и следовало сделать запасы.

Одновременно управляющий отрядил в деревню пару шустрых юнцов, с наказом объявить, что молодая госпожа вернулась и ей требуются слуги, работники и продукты. Вечером я пригласила господина Дастана и его супругу в кабинет, и мы вместе обсудили возникшие проблемы – печи в доме провалились, для отопления и приготовления пищи они не пригодны. Окна и двери необходимо менять. В комнатах первого этажа надо менять полы, а на втором явно видны следы дождей и это значит, что крыша тоже просела.

Из хороших новостей был заросший сад, в котором волею богини все еще плодоносили деревья, каменный подвал, и стены.

– Амбары плохи, леди, они деревянные, только фундаменты из камня. Конюшни каменные, но все дерево внутри сгнило, сено просто труха, его дешевле сжечь и посыпать пеплом огород, чем пытаться перебрать.

– В кухне не осталось ничего, леди, – докладывала в свою очередь госпожа Шиана, даже задвижки с печей выломаны!

Деревенские тут порезвились.

– Давайте составим список срочности, – предложила я, – нужны столяр, плотник, каменщик, печник, породистые животные для кухни и пара садовников для расчистки сада. У нас есть экономка, управляющий, пяток кучеров, способных работать конюхами, трое домашних слуг и горничная. Негусто.

– Сейчас страда, госпожа, – подал голос господин Дастан, – деревенские работать не будут.

– Значит, едем в ближайший город, – постановила я.

На следующее утро мы сели в тряскую телегу и поехали в ближайший городок. Путь был не близкий. К полудню меня так растрясло и разморило, что я готова была плакать. К счастью мы приехали. Господин Данстан отправился на поиск работников, а мы с госпожой Шианой пошли по магазинам. На покупку инструментов или семян мы не претендовали, эта ноша так же оставалась господину Данстану, но посуду, ткани, мебель и домашние мелочи нам приходилось выбирать самим.

К вечеру мы встретились в трактире, совершенно обессиленные. Покупок было столько, что пришлось снять в хозяина еще одну комнату, и складывать мешки и коробки туда. Господин Данстан был не слишком доволен: по его словам нам придется задержаться в городе, чтобы нанять всех мастеров, и прикупить нужные им материалы.

– Печник занят, госпожа, но готов отпустить с нами вто-

рого подмастерья. Парень довольно толковый, но один не справится, придется нанимать в помощники мальчишек из деревни. Плотники согласны наниматься только бригадой, а столяр запросил за свои труды полсеребряника в день!

Я только головой качала, расходы предстояли немалые. Наш поход по лавкам и рынкам тоже принес много огорчений. Пару раз нас пытались обокрасть, трижды норовили впарить гнилой товар, а еще дважды грубую подделку. Только опытный глаз госпожи Шианы, да моя резвость помогли нам сохранить свое достояние.

И все же делать было нечего. Мы решили задержаться в городе на три дня, сделать все необходимое, а если что-то не успеем, лучше поищем товар и людей поближе к поместью.

Когда я уже допивала горячий сбитень, мое внимание привлек очень худой мужчина в темной одежде за соседним столиком. Он был не молод, в черных волосах поблескивала седина, а потертые сапоги и аккуратно заштопанная рубаха говорили о том, что его финансовые дела не так хороши, как ему бы хотелось. Мне понравился его спокойный, внимательный взгляд, намозоленные покрытые шрамами руки, и тяжелый меч у бедра.

Бретер или наемник. Человек силы. Мое поместье никому не нужно, пока разрушено. Теперь же хозяйка вернулась, и в ближайшее время найдутся охотники поживится и домом, и хозяйкой.

Моим мыслям вторил господин Данстан:

– Леди, хорошо бы нам охрану присмотреть, но я в этом городишке не знаю никого. Может граф пришлет кого из опытных стражей?

– Боюсь, господин Данстан мы не сможем более обращаться к графу. Он передал мне все бумаги на поместье и теперь не имеет отношения к нашим делам. Попробуем поискать биржу наемников, или узнать есть ли тут представительство гильдии стражников.

– Нам трудно будет проверить рекомендации... – высказал разумные опасения управляющий.

– Вот здесь можно не беспокоиться, господин Данстан, с проверкой рекомендаций нам может помочь леди Присцилла!

Удивленно моргнув на мое заявление, господин Данстан тотчас расплылся в улыбке. Двоюродную тетю графа Этуша он знал и очень уважал. Мы закончили ужин и разбредлись по своим комнатам.

Утро для нас случилось раннее, госпожа Шиана собиралась сходить на оптовый рынок, присмотреть кур и гусей «на породу», а у меня было желание прикупить там же запас муки и круп для кухни. До выплаты налогов оставалось еще три месяца, а покупать в деревне каждый кочан капусты было невыгодно.

Мы оделись максимально скромно, выпили по кружке подогретого сбитня у стойки и отправились на рынок. Господин Данстан шел с нами, но смотреть собирался коней и овес.

Ночи были уже зябкими, так что ранним утром мы кутались в плащи, зевали и мечтали о теплом напитке с горячим бубликом.

Словно отвечая на наши мысли, из переулка вывернул де-тина с огромным самоваром за плечами. На блестящих мед-ных боках исходили паром маковые бублики. Мы с госпожой Шианой не стали медлить – тут же замахали руками, под-зывая торговца. Он степенно подошел, поставил самовар на низкую табуреточку, нацедил две глиняные кружки сбитня, вручил по бублику.

Пока я возилась с плащом, доставая кошелек, из того же переулка вынырнул шустрый мальчишка и отправился мимо нас по своим делам. Его короткое движение я поначалу не заметила, но в том же кармане у меня лежали ключи от шка-тулки. Они с грохотом упали на землю, и я ощутила, как по-легчал карман. Мальчишка немедля рванул в соседний пе-реулок – узкий и вонючий, скорее щель для слива нечистот. Я собиралась кинуться за ним, но темный силуэт на серой стене дома заставил задержаться.

Старый знакомый. Мужчина из таверны. Он аккуратно и как-то хитро извлек мальчишку, который вовсе не рванул в глубину сточной канавы, а спрятался за каким-то выступом.

– Миледи, – мужчина подошел к нам, держа мальчишку за шею. – Кажется этот воришка стянул ваш кошелек.

– Благодарю вас, сударь, – я не стала делать книксен, лишь вежливо наклонила голову.

Незнакомец двумя пальцами извлек из-за пазухи воришки мой кошелек и протянул мне. Прикасаться к измазанному и вонючему изделию не хотелось. А ведь еще пять минут назад этот кусок кожи благоухал корицей. Понимая мои затруднения, госпожа Шиана подставила под кошелек носовой платок, и завязала его узлом. В таком виде я осмелилась спрятать кошелек в карман плаща.

– Можете отпустить его, сударь, – милостиво разрешила я.

– Вы уверены, леди? За воровство ему полагается пять плетей! – в голосе мужчины не слышалось ни злобы, ни желания угодить, он просто уточнял и это мне понравилось.

– Уверена. Если он попытается украсть еще раз, его руки посинеют, потом почернеют и отвалятся, сказала я достаточно громко, чтобы слышал и мальчишка, и сбитенщик.

Поскольку торговец горячим варевом никак не принимал участие в поимке воришки, я сделала вывод, что имею дело с сообщниками.

– Вот как, отлично! – мужчина отпустил мальчишку и вернулся к сбитенщику: – налей стаканчик, дружок!

Тот безропотно нацедил мутноватой горячей жидкости с ароматом меда и пряностей. Мы с госпожой Шианой не спеша грелись напитком, хрустели бубликами, да поглядывали на незнакомца. Доев я промокнула рот чистым платком, тщательно отряхнула одежду и руки от крошек и наконец уставилась на мужчину:

– Итак, сударь. Вчера вы заметили нас в трактире, а сего-

дня утром почему-то решили пойти за нами?

Он улыбнулся в ответ, снял широкополую шляпу, изящно поклонился:

– Позвольте представиться, сэр Дайджерис! Пятый сын барона Глосчера.

– Очень приятно, – я все же сделала намек на книксен: леди Констанция, баронесса ле Арруан. Так чего вы от нас хотели, сэр рыцарь?

– Я понял, что вы прибыли за припасами к зиме, баронесса и у вас нет охраны. Я готов служить вам, за обычное жалование начальника охраны.

Я призадумалась. Впечатление рыцарь производил приятное, тяжелый клинок в потертых ножнах тоже говорил немало, но... граф заставлял меня изучать все столичные новости, сплетни, учил выискивать правду и делать выводы. Года два назад была подобная история – наследница ехала домой, по дороге наняла дополнительную охрану и исчезла. Нашли разбитую карету и все. Граф предположил, что леди хотели похитить ради выкупа или выгодной женитьбы, но в суматохе убили.

Все эти воспоминания молниеносно промелькнули в моей голове, а сэр Дайджерис продолжал терпеливо ждать моего ответа. Я решила быть честной:

– Мне ничего не известно о вас, сэр. Если вас это не обидит, я предпочла бы навести справки, получить рекомендации, а потом принимать решение. Кроме того, мое поместье

сейчас больше всего напоминает груды не до конца сгнивших бревен. Если вас это не пугает и не возмущает, мы с вами можем провести день вместе, чтобы присмотреться друг к другу.

В глазах рыцаря промелькнуло удивление и уважение:

– Вы разумны, миледи, и тем еще больше убеждаете меня в правильности моего выбора. Пусть ваш управляющий наведет справки, на бирже меня знают, как Джера Обоерукого, а рекомендации я могу вам предоставить в любой момент.

– Отлично, думаю, я просмотрю ваши бумаги вечером, сейчас мы спешим на рынок.

– Вы позволите мне сопровождать вас, дамы? – Джер улыбнулся не только мне, но и госпоже Шиане.

– Если вы уверены в своей полезности, то позволяем, – улыбнулась в ответ я.

Мы довольно быстро дошли до рынка и принялись бродить среди рядов. Мужчины шли за нами, ожидая открытия конного ряда. Для начала мы сделали закупки по списку, составленному госпожой Шиарой: несколько штук сурового полотна на чехлы и передники для грубых работ. Несколько штук плотного тика для наволочек и наматрасников. Синяя шерсть для форменных платьев, тонкое полотно для белья и воротничков, бурое сукно на теплые мужские кафтаны, серое сукно на женские плащи, вата на стеганные нижние юбки и лен на простыни и скатерти. Тут же рачительная госпожа закупила нитки, иголки, наперстки и пяла в таком количе-

стве, словно собиралась открыть рукодельную мастерскую.

Потом закупки делали по моему списку: писчая бумага, чернила, чистые тетради для ведения учета, несколько книг, по сельскому хозяйству и огородничеству. Последними мне попались две тонкие брошюры, едва сшитые толстой нитью. Одна по заготовке на зиму свежих плодов, а вторая по выкладке печей. Сунув их в наплечную сумку, я продолжила просматривать список, а господин Данстан отправился проследить за доставкой наших покупок в трактир.

Госпожа Шиара отвлеклась на заморские пряности, сэр Джер отвернулся к прилавку с ножами, я осталась одна у лотка с тесьмой и лентами, перебирая узкие полоски. Неожиданный шум за спиной меня не обеспокоил: мало ли шума на рынке? Кто товар везет, кто торгуется, а кто и уронил чего. Поэтому сильнейший толчок в плечо застал меня врасплох. Я полетела вперед, роняя своим весом лоток и торговца, из глаз неудержимо хлынули слезы. Поскольку ситуация была уже не раз отрепетирована с графом, я еще в падении умудрилась прикрыть лицо рукавом и быстро выплавав пригоршню жемчуга вытащила из кармана шкатулку, в которой лежало несколько таких же «капелек».

– Госпожа Шиара! – громко позвала я, – помогите собрать, шкатулка открылась!

Взволнованная экономка шустро подбежала ко мне, пытаясь поднять. Потом увидела шкатулку, жемчуг и моментально сгребла все, наступив для острастки на руку слишком

резвому лотошнику.

– Вы в порядке, миледи? – спрашивала она, одновременно взглядом прищипывая сэра Джера, заставляя его поднять меня, точно неловкую куклу.

– Что это было, госпожа Шиара? – поинтересовалась я, радуясь тому, что оделась скромно.

Одежда была безнадежно испорчена и порвана.

– Лошадь сорвалась с узды, – спокойно ответил Джер. Ему не пришлось вынимать свой меч, он легко удерживал любопытных на расстоянии одним грозным видом. – Торговцы уже намяли бока барышнику, и кобылу поймали.

Я заинтересовалась. Не смотря на уговоры госпожи Шиары вернуться в трактир и переодеться, я лишь стряхнула самые большие комки липкой осенней грязи и пошла смотреть на лошадь.

Кобыла была великолепна. Невысокая, изящная, она перебирала ногами, жарко выдыхала теплый воздух и нервно прядала ушами. Потрепанный барышник замахнулся на нее кулаком, но я остановила его возгласом:

– Милейший! – мужик вздрогнул и повернулся. Я продемонстрировала порванный плащ, изгвазданную юбку и пятна на рукавах: – ваша лошадь толкнула меня в грязь!

– Сударыня...

Вякнул мужик, но я его решительно оборвала:

– Леди! Можно баронесса.

Торговец спал с лица. Связываться с благородными ему не

хотелось категорически. Я присмотрелась к лошадке и поняла почему: кобылка явно была породистой, но откуда в здешней глуши такое сокровище.

– Где ты взял эту лошадь, смерд? – взвизгнула я, – украл?

– Что вы леди! – мужик был окончательно деморализован, – виконт Мамлей своей дочке заказал, мы везли долго, а как доставили, он брать не стал, другую кобылку прикупил уже.

– Где брали? – уточняла я охлопывая морду будущей покупки.

– Так на заводе графа Манча. И клеймо его есть и бумаги! Мы ж ее сюда просто похвастать привели, а она раз и сорвалась! Уууу, бестия! – барышник опять замахнулся на лошадь, но Джер перехватил его руку.

– Я дам вам за нее пятнадцать золотых и ни монетой больше! – заявила я, убедившись, что лошадь здорова.

– Но леди... – попытался завести свою обычную шарманку торговец.

– Или я отсужу ее у тебя бесплатно, за ущерб, причиненный моему здоровью и имуществу! – заявила я показывая на дыру.

Мужик заткнулся. У меня не было столько денег с собой, такие суммы никто не носил на рынок. Прихватив с собой госпожу Шиану и сэра Джера, мы отправились в крупную ювелирную лавку. Там я предложила к продаже жемчуг, получила на руки полсотни золотых и вручила пятнадцать из

них ошеломленному барышнику.

— Лошадь отведешь в трактир «Добрая дорога», на въездной площади, и учти, коли обманешь и приведешь другую, вот этот человек тебя найдет, — я кивнула на наемника и, торговец клятвенно пообещал привести кобылу немедленно.

После совершения сделки я наконец поддалась уговорам госпожи Шианы и мы вернулись в трактир пообедать. Умывшись и переменив платье, я спустилась в общий зал. Экономка уже сидела за столом, поджидая меня и своего мужа. Господин Данстан явился к жаркому и сразу выложил мне информацию о сэре Джере. Репутация у него оказалась неплохой, пару раз он бил нанимателя или отказывался от контрактов, но этому всегда имелись уважительные причины.

Рекомендации наемник принес мне сразу, едва мы вошли в трактир, так что помешивая слишком горячее блюдо я просматривала несколько листочков разной степени желтизны и потрепанности. Это кстати говорило о наемнике больше, чем идеальные писанные ближайшим писарем под диктовку листы.

Люди, которые писали рекомендации, были мне не знакомы, но я много слышала о них. Проверив гербы на печатях и, некоторые нюансы подписей я сочла, что бумаги настоящие и заслуживают доверия.

После обеда мы вернулись на рынок — дел было много. Господин Данстан начал поговаривать о необходимости присоединиться к купеческому обозу или подождать крестьян

из деревень возле поместья. Но время поджигало – если не перекрыть крышу до октября, нас промочат осенние дожди, а печи? Мерзнуть зимой у жаровни?

Так что я взяла решение в свои руки: объявила сэру Джеру, что принимаю его начальником стражи, объяснила ситуацию и велела подобрать пятерку крепких наемников для охраны. Мужчина все понял, спросил, на какое жалование могут рассчитывать будущие церберы, написал несколько писем, отправил их с шустрым мальчишкой и сопровождал нас с госпожой Шиарой на рынок.

– Сэр Джер, – поинтересовалась я, рассматривая медные кастрюли, – вы не пойдете подбирать отряд прямо сейчас?

– Нет, миледи! – ответил наемник, отжимая в сторону слишком наглого щеголя, – я написал записки знакомым, если им нужна работа вечером они придут в трактир. А пока я не хотел бы потерять свою нанимательницу до того, как она выплатила мне жалование.

Я только усмехнулась. Жалование я пообещала наемнику только в поместье, но выдала целый кошелек «на срочные расходы». Рыцарь меня не подвел – прикупил пару тяжелых арбалетов, болты, пару простых щитов и коротких мечей. Себе позволил лишь отремонтировать каблуки у сапог. По всему выходило, что рыцарь опытный наемник и деньги зря тратить не будет.

Мы весь день пробегали по рынку, делая закупки и, к вечеру уже не чуяли ног от усталости. Вдобавок около пяти ча-

сов дня, начался мелкий нудный дождик, разогнавший покупателей и торговцев. Отяжелевший от влаги плащ тянул к земле, юбки, забрызганные грязью тоже не доставляли удовольствия, как и промокшие ботинки.

Мы вернулись в трактир и были неприятно удивлены тем, что зал оказался полон. Тяжелый смрад от мокрых плащей и сапог, шумные компании, разлитое пиво и пригорающий бекон. Содрогнувшись, я решила потратиться еще немного:

– Госпожа Шиана, давайте поужинаем в номере, и бадью с горячей водой закажем! – предложила я.

Экономка может и хотела сэкономить деньги, зная, что граф выделил мне небольшую сумму на восстановление поместья, но ее супруг и мой начальник охраны были решительны:

– Идите в комнаты, дамы, – решительно сказал Джер, я сам закажу вам ужин и бадью.

– Я знаю, что можно вам заказать! – успокоил нас господин Данстан и пообещал немедля принести сбитень и пирожки.

Мы послушно ушли в свои комнаты. Служанок у нас не было, так что пришлось самим выбирать из мокрых платьев и обуви. Госпожа Шиана порывалась помочь мне, но меня смущал ее возраст, так что я решительно отказалась и сама мучалась с влажной шнуровкой и спутанными волосами. Стук в дверь прервал мои мучения. Это оказалась служанка с подносом. Она быстро поставила его на стол, и сообщила,

что сейчас будет бадья, а после ужина меня ждут внизу, для приема новых работников. Я поблагодарила девушку медной монеткой и оценила деликатность наемника – мог прийти сам, но прислала девушку, понимая, что я могу оказаться полуодетой.

Ужин был простой – трактирная густая похлебка из недо-рогой крупы на костном бульоне, жаркое из свинины с ре-пой и грибами, вино, хлеб и сыр. Впрочем, мне этого было довольно. Главное, что еда была горячей и сытной.

Бадью принесли быстро – двое мальчишек установили ее на пол и налили пару ведер кипятка. Еще два ведра оста-вили у огня и добавили в бадью холодной воды. За это удо-вольствие пришлось заплатить целый серебряник, но оно то-го стоило – после жизни в приюте я обожала горячую воду, душистое мыло и украшения для волос. Только после рас-поряжения графа приютским девочкам начали выдавать две шерстяные ленты в год, для причесок.

Мокрые одежды я повесила у камина – к утру высохнет, и грязь можно будет счистить щеткой. А пока придется надеть более красивое платье. Мне не хотелось привлекать к себе внимание нетрезвых мужчин в зале, но приглашать наемни-ков в крошечный номер, где все было на виду – от бадьи с остывшей водой до ночного горшка мне тоже не хотелось.

Платье из тонкой шерсти насыщенного зеленого цвета от-лично оттеняло мои зеленые глаза и русые с рыжим отливом волосы. На всякий случай я спрятала свою самую яркую при-

мету – заплела влажные локоны в косу, скрутила в пучок, а поверх прикрыла прическу серебряной сеткой на бархатной ленте. Скромно, красиво и явно не крестьянка. Подумав, вынула из мешка тонкий плащ для теплых дней. Из трактира я выходить не собиралась, а вот прикрыть дорожную одежду стоило.

Прежде чем спускаться вниз, я стукнула в дверь соседнего номера – там жили госпожа Шиана и господин Данстан. Они уже закончили ужин и переоделись в сухое. Экономка как всегда была одета в безупречное синее платье с белым передником и белоснежный чепец. Управляющий в коричневый камзол с медными пуговицами и коричневые штаны из покупной шерсти.

Мы втроем спустились в зал, где стало еще более душно и шумно. Сэр Джер сидел за столом с двумя мужчинами. Заметив нас, он махнул рукой, приглашая подойти. Я лавировала между столиками, и рассматривала его собеседников. Странная парочка – один очень тощий жилистый брюнет с сальными волосами повязанными красным платком. Второй широкий и высокий, абсолютно лысый тип мрачно цедил пиво, не поднимая взгляда от кружки.

– Добрый вечер, господа, – вежливо поздоровалась я.

– Добрый вечер, леди, – мой начальник охраны вскочил, приветствуя меня, затем представил своих знакомых: – это люди, которых я хотел бы видеть под своим началом, – сказал он, кивком головы указывая на лысого: – сайр Руальд.

– Сайр? – переспросила я чинно присаживаясь на лавку.

– Мой друг хориец, у них принято именно такое обращение.

– Очень приятно, сайр, – я постучала по столу, стараясь добиться внимания здоровяка.

Ох, лучше бы я этого не делала! Таких мертвенных свинцовых глаз я никогда не встречала. Очевидно, он знал, какое впечатление производит, а потому моментально снова уткнулся в кружку. Я незаметно перевела дыхание и посмотрела на второго мужчину. Тот ощерил в усмешке редкие зубы. Похоже ему нередко пытались их выбить.

– Господин Марит, – представил чернявого Джер.

– Расскажите мне немного о себе, господа, – сказала я, выбирая себе яблоко из миски.

Мужчины переглянулись и выразительно пожали плечами – мол чего только не придет в голову сопливой девчонке, но коротко изложили свои биографии. Правды в их рассказах была примерно половина. Марит сказал, что он из Рагула, но там жители сероглазые шатены с округлыми лицами. Тотский брюнет мог родиться у приезжих, но он утверждал, что коренной житель. Зато небрежно прятал полустертую татуировку из тех, что любят себе накалывать обозники.

Сайр Руальд, как многие крупные люди казался тугодумом, но это было обманчивое впечатление. Он коротко рассказал, что родился в бедной крестьянской семье, выучился в храмовой школе, а затем поступил в школу наемников. И

это тоже была не вся правда. В его ухе висела серьга с изображением птицы с женской головой.

Я невольно поморщилась, вспоминая, как граф заставлял меня читать пыльные фолианты, посвященные религиозным учениям разных стран. Умный и тонкий политик граф Этуш считал необходимым знать о религиозных ограничениях народов.

– Вера, это то, что дает человеку силы жить, – любил приговаривать он, расхаживая от окна к окну, – зная, какой веры придерживается человек, ты можешь дать ему надежду или отобрать ее.

Птица с женской головой это символ священника сиринизма, учения о божественной природе женщин. Сейчас в Хории это учение преследуется. Новый правитель предпочел заточить свою мать и жену в башню и править единолично, а заодно прижать культ, мешающий ему наводить собственный порядок. Женские храмы и монастыри, посвященные Сирун разрушались, либо в них устраивались капища Хору, богу войны.

Священники Сирун могли родиться в бедной семье, но после храмовой школы их ждало обучение в монастыре, так что сидящий за столом хориец был умен так же, как силен.

– Что ж, господа, – я обвела всех внимательным взглядом, – вы приняты на службу под началом сэра Джера. Он расскажет вам для чего мы здесь, распределит дежурства и выдаст аванс в размере трети месячной оплаты. Мы пробу-

дем в городе еще три дня, а потом отправимся в глушь. Учтите это и сделайте все необходимые закупки для своих нужд. На счет оружия и защиты обращайтесь к вашему непосредственному начальнику. А теперь прошу меня извинить, уже поздно.

Я встала, улыбнулась самой наивной девчачьей улыбкой и ушла вместе с госпожой Шиарой и господином Данстаном. Управляющего удалось увести не сразу, но поднявшись на второй этаж, я объяснила ему свою позицию:

– Пусть они обсудят нас и решат, стоит ли оставаться. Джер их командир, вот пусть и отвечает за поведение подчиненных.

Спала я беспокойно. В голове крутились мысли о черепице, печнике и штуках полотна для пошива матрасов и одеял. Шерсть крестьяне привезут только в первый день зимы, запасов сухой соломы или мха у нас нет, что делать? Чем набивать постели? Неужели кирпичами, как в этом трактире. Встала я на рассвете уставшая и недовольная миром. К счастью граф никогда не снисходил к моим слабостям и приучил меня справляться с дурным настроением самостоятельно. Чашка ароматного травяного отвара с ложечкой меда, пара сдобных сухариков и жить стало легче.

Завтракать решили внизу. Уборщицы еще скребли столы, обмениваясь впечатлением о прошедшей ночи, но на стойке уже подавали горячий сидр, бульон тихо кипевший на остывающей плите всю ночь и даже жидкую кашу, заваренную

кухаркой для тех постояльцев, которые кутили всю ночь.

Мы с госпожой Шиарой взяли кашу, варенье, хлеб и сыр, господин Данстан спросил сбитня и копченого сала. Когда мы почти доели кашу, в зал спустились наемники. Все трое. Вежливо поздоровались, сели за соседний стол, спросили бульон, хлеб и сыр, ели быстро и молча, аккуратно отрезая ровные ломти, запивая бульоном.

Стоило нам отодвинуть тарелки, как мужчины оказались рядом:

– Какие распоряжения на сегодня, госпожа баронесса? – вежливо спросил Джер.

– Вы остаетесь? – я перевела взгляд на Руальда и Марита.

– Да, госпожа баронесса, – нестройным хором ответили они.

– Оружие и броня у вас есть, или нужно купить? – продолжала выяснять я.

– Кое-что понадобится, но это можно купить на рынке в оружейном ряду.

– Хорошо, значит один из вас остается здесь, караулить наши покупки и принимать новые, а двое идут с нами на рынок и по дороге покупаете все что вам нужно.

Судя по взглядам, которыми обменялись наемники, от меня не ожидали такой разумности. На страже остался Марит. Он выбрал местечко у окна, из которого было хорошо видно вход во двор и двери сарая, который хозяин сдал нам под хранение крупных покупок. На столе появилась потертая

холстина, набор точильных камней и две дюжины метательных ножей. Поглядывая в окно, чернявый наемник принялся обихаживать свое оружие и делал это так любовно и бережно, что я перестала сомневаться в его профессионализме. Граф иногда брал меня в казармы, на смотр, и всегда непременно обращал внимание на состояние оружия и амуниции.

– Если солдат свое свободное время посвящает своему оружию или приобретению нового навыка, это хороший солдат, говорил он.

Так что я могла отличить старое любимое оружие от нового небрежно хранимого или дурно использованного. Одобрительно кивнув, я двинулась следом за госпожой Шиарой. Крупы, пряности, соль, масло... Список рос, мужчины добавляли все новые пункты, а деньги неудержимо таяли. Похоже, сегодня нам снова придется зайти к ювелиру, благо коробочка с жемчугом всегда лежала у сердца.

Еще тогда, когда граф спрятал меня в своей гардеробной, я приучилась внимательно осматривать по утрам постель. Если во сне я видела родителей, то просыпалась буквально осыпанная крупными розоватыми жемчужинами. Потому даже в роли «Тины» я сама убирала постель – гладкие блестящие камушки умудрялись забиваться под простыни и в щели у кровати.

Бессонная ночь и вовсе обернулась кошмаром – стоило мне заснуть, и я снова видела темные карие глаза и искрив-

ленные в презрительной усмешке красивые губы. Лорд Танред. Последнее время он снился мне чаще. Красивый сильный и ненавидящий. Благодаря ему, в моей постели появились черные жемчужины, самые дорогие в этих краях.

Ювелир был очень рад меня видеть, а вот Джер нахмурился. Я быстро обменяла пяток жемчужин на золотые монеты, и мы вышли на крыльцо лавки.

– Простите, госпожа, – рыцарь старательно осматривал все вокруг, – но заходить к ювелиру два раза за два дня было неразумно.

– Я знаю, сэр Дайджер, – со вздохом ответила я, – но этот ювелир дает самую большую цену за жемчуг, не спрашивая, чью фамильную диадему я разобрала.

– Не спрашивает, потому что вон те молодчики способны вернуть ему потраченное золото, – мрачно сказал сайр Руальд, – кивая на темный переулок, в котором я не могла ничего рассмотреть.

Мужчины переглянулись и положили руки на мечи.

– Что ж, – вздохнула я, – у вас появился повод пригласить на службу еще парочку друзей.

– Сегодня вечером они придут в таверну, – сказал рыцарь.

– Но до вечера надо еще дожить, – прибавил сай.

Решив не трепать больше нервы себе и наемникам, я велела отправляться в трактир:

– Господин Данстан сегодня приведет знакомиться мастеров, надо бы разузнать о них. Воров пьяниц и пройдох нам

в поместье не надо.

Мужчины опять переглянулись, и рыцарь озвучил:

– Тут лучше всего Марит поможет, есть у него амулетик.

– Отлично! Значит, сейчас оплачиваем заказ в лавке, забираем покупки и в трактир!

В трактире нас уже ждали. Парочка солидных дядек в добротной домотканой одежде – один глава плотников, другой столяров. Оба пришли договариваться на счет бригад под руководством своих сыновей. Долго расхваливали работников, но цену запросили невысокую, я сразу подозрительно прищурилась и вошла в их беседу с господином Данстаном:

– Что ж вы уважаемые, сами пришли, а сыновей не прихватили? Работать они будут, а не вы и спрос в случае дурной работы с них будет! Пока бригады не увижу, договор заключать не стану! – решительно подытожила я.

Мастера стыдливо переглянулись. Стало быть, угадала. Либо пьяниц хотели подальше от хмельного спровадить, либо бабников да гуляк на отшиб.

– Что ж, если завтра ваши работники не придут, придется мне другие артели поискать, понадежнее, таких, которые знают с какой стороны за инструмент браться, да рубанок с юбкой или бутылкой не путают.

Мастера побурели, я задела их профессиональную гордость! И цедя сквозь зубы пообещали завтра же прислать людей.

Потом меня ждал высокий нескладный мужик с соломен-

ными волосами и кургузой рыжей бородой – мастер по перекрытию крыш. Он показался адекватным, деньги запросил средние, но попросился взять с собой пару сыновей подростков – и на подхвате будут и присмотрены.

Дальше были печник и каменщик. Первый продувной плутоватый малый невысокого роста в мятом кафтане все просил поднести «чарочку» и косился на Марита. Наемник невозмутимо слушал, а потом отозвал меня в сторону, будто бы за пирогом:

– Госпожа, берите его, печник отличный, цены нет.

– Марит, он пьяница, – возмущалась я.

– А мы ему поможем протрезветь, – усмехнулся наемник, поправляя красный платок, – знаю я травку одну, все желание выпить отобьет, а там глядишь и, сам от чарки отстанет.

– Ладно, возьмем его, но вы лично отвечаете за его трезвость.

Марит покаянно опустил голову, но я видела, что он доволен и моим решением и своим.

Каменщик, молчаливый мужик лет пятидесяти явно был болен. Об этом говорили осторожные движения, сухая пергаментная кожа и слишком просторная одежда. Я напрямую спросила его о болезни. Тащить в довольно закрытый мирок заразную болезнь не хотелось.

– Сохну, госпожа, – развел он руками, – как свалился с лесов по весне, так уж совсем тело согнал, а дома семья.

– А работать сможешь ли? – скептически посмотрела я на

тонкие руки.

– Указать смогу, а камни класть сын будет, – махнул мужик рукой в сторону соседнего стола.

Сын внешне напоминал отца, только был повыше и на пару пудов тяжелее.

– Хорошо, но беру вас двоих, как одного каменщика, – сразу же сказала я. – А то и кормить двоих, и не дай Светлые помрешь у меня, так еще и жреца звать.

Каменщик понурился, но согласился. Мне бы и хотелось быть добрее, но я не могла себе этого позволить. Зато могла поискать в запасах травки, способные унять боль и пробудить аппетит, авось и каменщик не пожалеет, что поедет так далеко.

Всех свеженанятых работников мы отпустили, сообщив, что ждем их на рассвете третьего дня. Аванс я дала по десятку медяков и напомнила, что едем мы в глушь и все необходимое нужно закупить заранее. По этой причине следующие два дня господин Данстан носился по рынку в компании сайра Руальда закупая кирпич, черепицу и качественную сухую глину, которую мы планировали понемногу подмешивать к местной для прочности растворов.

Мы с госпожой Шиарой в это же время искали пару девушек в помощь. Конечно после страды можно будет нанять работниц в деревне, но опытная хозяйка хотела подстраховаться и оббегала приюты, работные дома и «улицы повелительниц» в поисках сирот, готовых уехать в деревенскую

глушь.

К вечеру я без сил падала на лавку в трактире, устало жевала то, что подавал трактирщик и едва шевелясь поднималась наверх. Ночи были холодными, тощее трактирное одеяло не спасало и, я натягивала поверх него теплый плащ, не снимала шерстяные чулки, кутала голову в теплый платок. Мыться в бадье тоже больше не рисковала – боялась простудиться. В итоге из леди превратилась в замученную горожанку, с мечтой о приличной купальне. И каждую ночь просыпалась в слезах – мне снился граф Этуш и его отеческая заботливость, снился лорд Танред и его ненавидящий взгляд. Мне хотелось убежать их этих снов, но я спала и плакала во сне. А утром собирала холодные камушки, уговаривая себя, что это совсем неплохо, такие сны, ведь мне нужны деньги на восстановление поместья.

В день отъезда двор оказался полон. Каждый мастер потребовал для себя телегу – взять инструменты, теплую одежду, запас мелочей. Отдельная телега понадобилась двум девушкам и пожилой, но крепкой женщине, которых нашла госпожа Шиара. Еще три телеги занимали наши покупки – крупы, масло, ткани инструменты и посуда.

Пара телег предназначалась для овса, клетушек с курами и гусями, оружия, печных заслонок и штырей для ремонта крыши. Все мастера хором твердили, что надо взять запас готовых, не надеясь на деревенского кузнеца. В итоге приехав на одной телеге, обратно мы ехали целым обозом.

Слуга уже открывал нам ворота, когда ко мне подошел невысокий полный мужчина с бегающими глазами:

– Высокородная леди, – изящно поклонился он, – позвольте мне и моим людям присоединиться к вашему каравану, мы проедем с вами до Малинки, а потом уйдем на Волошский тракт. У меня хорошая охрана, думаю, вам она не повредит.

Купец попал не в бровь, а в глаз – на такое количество телег мы не рассчитывали, поэтому охранников было всего семь и этого было явно мало. Но его обоз тоже наводил на размышления – всего четыре длинных обозных «борта», а охранников почти двадцать! Что-то мне не хочется выслушивать глупые мужские шутки и разнимать драки.

– Нет, милейший, вы нас задержите, да и едем мы в другую сторону, – любезно ответила я.

– Как в другую? – всполошился купец, – да ведь возница сказал... – мужик осекся, а его глазки забегали еще быстрее.

– Да вот так, решила тетушку навестить, – пожала я плечами. – Женский каприз.

Бормоча неприличные ругательства, купец удалился, а я жестом подозвала Джера и пересказала ему наш разговор.

– Дело плохо, миледи. Вы слишком активно тратили деньги, боюсь, на дороге нас ждут.

– Пока мы не выехали за городские стены, есть шанс изменить маршрут, – решила я. – В крайнем случае, пристанем к королевскому каравану.

– Тоже неплохо, – потерябил бородку мужчина, – но королевских караванов до снега не будет.

– Значит, будем выбираться сами, – уже раздраженно сказала я.

Рыцарь покосился на меня и промолчал. Очень хотелось выразить обуревавшую меня бурю эмоций, но... я отлично помнила пару ведер ледяной воды вылитых на меня, в тот день, когда я устроила первую истерику, протестуя против надоевшей маски и тяжелой учебы. Поэтому лишь тягостно вздохнула, и неожиданно придумала выход:

– Сэр Джер! Выезжаем из города, через южные ворота!

– Леди! – рыцарь сперва явно подумал дурно о моих умственных способностях, а потом расцвел: – как прикажете, миледи!

Ого, я уже «миледи», усмехнулась я мысленно. На деле все было просто – к нашему поместью вела Северная дорога. Соответственно все шпионы успели расспросить конюхов и возниц, выяснить что сумели и ждали нас у Северных торговых ворот. Мы же выедем через южные, и сделаем вид, что едем в противоположную сторону. Южный тракт более популярен, затеряться на нем не сложно, да и стража его регулярно патрулирует, в отличие от Северного. А потом мы вернемся, потеряв день или два. Вернемся и тихо проедем мимо города. Или вообще объедем его окольными путями!

Приняв решение, мы свернули на улицу, ведущую к Северным воротам, громко сообщили, что едем именно туда,

а потом развернувшись на небольшой еще пустой торговой площади поехали к Южному тракту.

Я ехала верхом и была неприлично довольна собой. Мастера и девушки сидели смирно, только головами крутили, разглядывая встречные обозы с пряностями, тонкими тканями и сладостями. А вот возницы занервничали. Один даже попытался возмутиться и спрыгнуть с телеги, но был остановлен недвусмысленным поворотом арбалета. После этого мужичонка притих и злобно зыркал на сэра Джера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.